

АНТОНОМАСИЯ – ПАРОЛЬ «ЭВЕЛИН»

Диалектная ономастика прилагает значительное усилие в бесконечных попытках дешифровать различные, представляющие определенную ценность, художественные тексты. Наш выбор остановился на рассказе Джеймса Джойса «Эвелин», где употребление такого стилистического приема как антономасия (греч. *ἀντονομασία*, от *αντί* «вместо» и *ονομασία* «наименование») представляет определенный научный интерес, поскольку он является и одной из особенностей творческого мышления, техники автора.

В этой связи основная проблема предлагаемого ниже исследования заключается в том, что большинство затронутых нами в анализе рассказа имен можно лишь с известной степенью условности подвести под понятие «антономасия». Под антономасией (согласно И. Р. Гальперину) принято понимать имя, *созданное* самим автором, характеризующее своего носителя, как правило, несуществующее в реальной жизни (например, Собакевич – у Гоголя, Незнайка – у Носова, Скрудж – у Диккенса и т. д.)¹, или «употребление собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами известного в литературе, истории носителя этого имени, напр.: Отелло вместо ревнивец, Обломов и т. д.»². Под антономасией также понимается фигура речи, состоящая в описательном обозначении лица. В Древнем Риме вместо имени Цицерона использовали следующее выражение: *Romanae eloquentiae principes*³. Часто употребляется «Победитель при

¹ Galperin I.R. *Stylistics*. Higher School, Moscow, 1977, pp. 164-166.

² Словарь иностранных слов. Русский язык, Москва, 1987.

³ Вождь римских ораторов, Цицерон (лат.).

Аустерлице, побежденный при Ватерлоо» ам. Наполеон⁴. А И. В. Арнольд определяет антономасию как особое использование собственных имен: переход собственных имен в нарицательные (Дон-Жуан), или превращение слова, раскрывающего суть характера, в собственное имя персонажа как в комедиях Р. Шеридана, или замену собственного имени названием связанного с данным лицом события или предмета⁵. Арнольд, все же, незамедлительно добавляет, что это далеко не исчерпывающий «краткий перечень» всевозможных типов данного явления.

Так как этимология реальных имен в контексте рассказа Джеймса Джойса «Эвелин» особенно бросается в глаза при детальном изучении, мы в основу нашего анализа, проведенного в соответствии со стилистикой декодирования, сознательно заложили антономасию, расширяя круг ее охвата причислением к ней *преднамеренного* употребления реально существующих имен (названий и т. п.), еще не закрепивших за собой более или менее общеизвестные коннотационные смыслы.

Следует избегать обманчивого сходства последнего определения с сутью фактического аптронима. Этот термин, введенный Франклином П. Адамсом, обозначает реальные имена, производящие обычно случайный эффект (Will B. Snow (будет/пойдет снег). Употребление подобных имен в художественной литературе можно рассмотреть как антономасию и ни в коем случае как фиктивный аптроним, который используется в аллегоричных и больше сатирических целях (Незнайка, Sir Elegant Smoothways (Сэр элегантные мягкие манеры)).

В более широком плане, антономасией можно считать почти любое вошедшее в художественное произведение (часто — кроме

⁴ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., «Советская энциклопедия», 1969.

⁵ Арнольд И.В. «Стилистика современного английского языка». Просвещение, 1990, с. 86.

биографии, автобиографии) реально существующее собственное имя, реже – и название.

Завуалированность антономасий в рассказе «Эвелин» можно равно приписать как совершенным случайностям, так и несомненной заслуге автора, так как, несмотря на тщательный выбор встречающихся в рассказе имен и названий, они, все же, играют не самую важную роль в сложном процессе сотворения характеров, а лишь основательно фиксируются в сфере бессознательного у читателей, реакция которых в вербальном мире выражается так: «Верится».

«Эвелин» был написан раньше остальных рассказов сборника, в 1903 г. в Париже, и опубликован в сельскохозяйственной газете. Несмотря на это, в соответствии со сложившимся позже замыслом распределения рассказов в «Дублинцах», «Эвелин» с незначительными изменениями вошел в окончательную редакцию сборника как четвертый из пятнадцати рассказов. Таким образом, данный рассказ является первой по времени попыткой выразить общую гнетущую атмосферу психологического паралича, царящего, согласно Джойсу, в Дублине начала двадцатого столетия.

Это – рассказ о неудавшемся побеге.

Для начала процитируем одного из многочисленных джойсоведов Мартина Дольха: «Чем больше приближается момент отъезда, тем больше она теряет сил. Нарастающий кризис Эвелин и ее утечка сил превосходно переданы через описание конкретных физических движений: «она сидела у окна... она обвела глазами комнату... она все сидела у окна... она встала... она стояла в суетливой толпе... она вцепилась обеими руками в железные перила... она кинула вопль отчаяния... ее глаза смотрели на него, не любя...» – это беспомощность паралитика»⁶.

Подразумеваемый рассказчик перечисляет: «The children of the avenue used to play together in that field – the Devines, the Waters, the

⁶ Из Martin Dolch, 'Eveline.' В кн.: John V. Nagopian and Martin Dolch, eds., *Insight II*. Frankfurt: Hirschgraben-Verlag, 1964. Стр. 194.

Dunns, little Keogh the cripple, she and her brothers and sisters. Ernest, however, never played: he was too grown up»⁷.

Согласно структуре рассказа, мы начнем рассмотрение перечисленных имен с последнего из них. Имя Ernest разделяет общую транскрипцию со словом *earnest* (серьезный). «Эрнест никогда не играл: он был уже большой» – фактор, говорящий о его серьезной натуре. Следующее по порядку имя, широко распространенное в Ирландии, Кью использовано в абзаце два раза. В первый раз за этим именем следует слово *cripple* (калека) а во второй, чуть позже, слово *keep* (держат). Заметим, что существует явная аллитерация в повторе звука *k*; таким образом, автор, как бы призывает читателя к разного рода ассоциациям. Трюк выделил слово *cripple*, с тем чтобы показать, что Кью остался в Дублине (это ясно из того, что ни одного слова о том, какова была его дальнейшая судьба, не сказано, более того, упомянутое слово *keep* тоже является своего рода намеком на то, что он все-таки остался) из-за своей хромоты.

The Dunns – первая ассоциация – со словом *dunce* (тупица). В рассказе упомянуто лишь об одном из членов этой семьи, Tizzie Dunn. Имя и фамилия ассоциируются со словами *tizzy* (разг. шестипенсовик) и *dun* (упорно напоминать о долгах). Тиззи умерла, так и не сумев покинуть Дублин, пожалуй, из-за бедности, на которую намекает ее имя.

Уотерсы уехали назад в Англию. Вероятно, поэтому воды (на что намекает фамилия иммигрантов) в бессознательном Эвелин отождествляются с «неоправданным» расставанием с родными берегами и, более того с отправлением во враждебную землю, какой видится ирландцу Англия.

Насчет Дивайнов (the Devines – заметим анаграмму *devil-divine* (дьявол-божественный)) ни одного слова не высказано, но, несмотря на

⁷ Все здешние дети играли раньше на пустыре – Дивайны, Уотерсы, Данны, маленький калека Кью, она, ее братья и сестры. Правда, Эрнест не играл: он был уже большой. (Джойс, Джеймс. Дублинцы. В собр. соч. Джойс, Джеймс, т. 1. М., «ЗнаК» стр. 32.)

это, соответствующее вышеуказанной структуре предложение разъясняет: «Все меняется»⁸, что можно интерпретировать, как субъективное отношение автора к феномену бога.

Ассоциации, возникающие при следующем наборе имен, играют далеко не маловажную роль в раскрытии некоторых вполне существенных моментов рассказа.

And yet during all those years she had never found out the name of the priest whose yellowing photograph hung on the wall above the broken harmonium beside the coloured print of the promises made to Blessed Mary Margaret Alacoque. He had been a school friend of her father. Whenever he showed the photograph to a visitor her father used to pass with a casual word:

'He is in Melbourne now.'⁹

Святая Маргарита-Мария Алакок, будучи некогда женщиной непристойного поведения, посвятила всю свою последующую жизнь служению христианству, так как ей однажды приснился Иисус, который подарил ей свое сердце. Она была основоположником одного из самых распространенных культов в католической церкви, культа Святого Сердца. Алакок была канонизирована в конце XVII в. Цветная литография святой Марии показывает, какой чепухой забита голова меланхоличной Эвелин: верой в «шлюху», которая осознав, что *απληρύνει την καρδίαν* 40 ор t (как веревочке не виться, концу быть), для восстановления своего растоптанного достоинства вообразила себе вздор об Иисусе и его подарке, и в конечном итоге даже была

⁸ Ibid. стр. 32.

⁹ А ведь за все эти годы ей так и не удалось узнать фамилию священника, пожелтевшая фотография которого висела над разбитой фисгармонией рядом с цветной литографией святой Маргариты-Марии Алакок. Он был школьным товарищем отца. Показывая фотографию гостям, отец говорил небрежным тоном:

- Он сейчас в Мельбурне. (Ibid. стр. 32-33).

канонизирована. К этому случаю вполне применима стерновская оценка (конечно, более мягкого и узкого характера) касательно трех эпох владычества французских дам. — Сначала она кокетка — потом она деистка — потом *dévote* (богомолка)¹⁰.

Надо заметить, что в Улиссе ее имя упоминается, как Margaret Maria Апусок (любой пенис).

Обратим внимание на антитезу *yellowing photograph — coloured print* (желтеющая фотография — цветная литография). Эвелин обращает большее внимание на священника: ее попытки узнать, как его зовут, оказываются тщетными. Мысль об отъезде, кажется, ее сильно интересует, хотя и в глубине души.

В глазах у отца Эвелин тот самый священник и та самая святая оказываются антиподами, так как он глубоко лояльно относился к Марии, а что касается священника, школьного товарища, то, натываясь на его фотографию, он выражал свое презрение к нему лишь следующими словами: «He is in Melbourne now». Исходя из этого, выявляется следующая антитеза: святая — в раю, священник, покинувший Ирландию, в аду (сопоставьте, прилагательное в латинском *mal* — плохой, злой; и омонимы *bourne — burn* (сжечь)).

Пожалуй, из всех других рассказов сборника «Эвелин» имеет большее количество «ключей» к выявлению области бессознательного у героя.

«Miss Gavan would be glad»¹¹, данная аллитерация подготавливает нас к раскрытию той роли, которую сыграла Мисс Гейвен (*gave-given*) в жизни Эвелин. Она давала Эвелин инструкции, деньги; именно из уст Мисс Гейвен мы впервые в рассказе узнаем фамилию Эвелин — Hill (Хилл).

¹⁰ Л. Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, Джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., «Художественная литература», 1968, стр.639.

¹¹ Мисс Гейвен обрадуется. (Джойс, Джеймс. Дублинцы. В собр. соч. Джойс, Джеймс, т. 1. М., «ЗнаК». стр. 33).

Такими способами Джойс показывает практичность Мисс Гейвен.

Ее брата Хэрри (Harry (от *harry* – разорять, разрушать, домогаться), который уже находится вдали от дома, бывало, часто бил отец, который тем не менее выступает в рассказе как символ набожного общества. Хэрри всегда присылал сколько мог, но получить деньги с отца стоило больших трудов. Хэрри здесь в какой-то мере сопоставим с самим Джойсом, угнетенным обществом родного города, страны. Деньги, которые присылал Хэрри, можно сопоставить с «Дублинцами», которые, конечно, в глобальном плане, также имели цель улучшить состояние «семьи». Но деньги эти выявляют мерзкие черты характера отца; аналогично, «Дублинцы» вскрывает пороки дублинцев. В таком понимании дела можно говорить о денежной атаке Хэрри, добивающегося ненависти Эвелин к родному отцу.

“She was about to explore another life with Frank. Frank was very kind, manly, open-hearted. She was to go away with him by the night-boat to be his wife and to live with him in Buenos Ayres, where he had a home waiting for her.”¹² Само значение слова *frank* (искренний; открытый; откровенный) отдаляет своего носителя, молодого человека, к которому Эвелин питает нежные чувства, от всех тех причин, которые заставили ее расстаться со своим шатким решением уехать.

“He took her to see *The Bohemian Girl* and she felt elated as she sat in an unaccustomed part of the theatre with him”¹³. Надо сказать, что она чувствовала такую гордость не из-за оперы (заметим выдержанную аллитерацию *The Bohemian Girl to Buenos Ayres* (исп. хороший воздух), указывающую на привлекательность (*buenos*) и, пожалуй,

¹² Она решила отправиться вместе с Фрэнком на поиски другой жизни. Фрэнк был очень добрый, мужественный, порядочный. Она непременно уедет с ним вечерним пароходом, станет его женой, будет жить с ним в Буэнос Айресе, где у него дом, ожидающий ее приезда. (Ibid. стр. 34).

¹³ Повел как-то на «Цыганочку», она чувствовала такую гордость, сидя рядом с ним на непривично хороших для нее местах. (Ibid. стр. 34).

добродетель цыганского образа жизни - кочевки), название которой предполагает судьбу, впоследствии отверженную Эвелин, а из-за необычного, дорогого места, на котором она сидела в Дублинском оперном театре; почему бы и нет – и здесь (в Ирландии) тоже можно найти развлечение: это намного надежней, и это реально.

Пригласив Эвелин в театр, моряк Фрэнк метафорически сделал предложение уехать с ним из Дублина в новую жизнь. Эта странная метафора подтверждается следующим предложением: «Он очень любил музыку и сам немножко пел». Фантастическая конвергенция ассоциаций, которую можно выразить двумя словами – музыкальное предложение, сделанное Фрэнком косвенно – через посещение с Эвелин представления с красноречивым заглавием. Но что проку? Она страдает параличом воли: ведь ее отец подавлял эту волю с раннего детства частым проявлением силы в отношении к ее братьям Хэрри, Эрнесту, матери, ругая тех, кто ушел, уходил, уйдет (Хэрри – уехал, Эрнест – умер, мать – умерла, священник – уехал, 'проклятый итальянец' шарманщик – на чужбине).

Фрэнк прозвал Эвелин в шутку Маковкой – *Porrens*, что можно интерпретировать как скрытое сочетание *pore* (священник) и *penis* (пенис). Фрэнк как бы высмеивает набожность отца, перенятую Эвелин. «Фрэнк служил за фунт в месяц на пароходе линии Аллен, ходившем в Канаду». Так как морская трасса Allen соединяет Ирландию с Канадой и США, зададимся вопросом: «Почему именно в Канаду, а не в США посылал Джойс своего героя?» Единственную весомую причину для такого выбора, мы находим способом расчленения собственного имени Canada (*can* (мочь, можно) и *da* (там)); а также наличие однородности символов Ирландии (плющ) и Канады (лист клена).

Hill of Howth (Хаут-Хилл) – местность, являющаяся олицетворением гармонии в высшей ее степени среди всего этого хаоса контрастов и неразберихи в рассказе. В первую очередь гармония проявляется в приятных воспоминаниях Эвелин, единственных на протяжении всего рассказа, в другую очередь – в совпадении ее фамилии с частью названия местности, где они с семьей очень весело

провели время: «А еще как-то, когда мать была жива, они ездили на пикник в Хаут-Хилл. Она помнила, как отец напялил на себя шляпу матери, чтобы посмешить детей»¹⁴.

Ее здравый смысл говорит о другом.

Побег! Побег! Но, North Wall (северная стена), где находится пристань, бессознательно отгораживает ее. И здесь разворачивается отчаянная схватка между здравым смыслом и бессознательным:

«The station was full of soldiers with brown baggages ... she caught a glimpse of the black mass of the boat, lying in beside the quay wall ... she answered nothing ... prayed to God to direct her ... towards Buenos Ayres ... could she still withdraw back after all he had done for her? ... her distress awoke a nausea in her body and she kept moving her lips in silent fervent prayer ... she felt him seize her hand ... he would drown her. She gripped with both hands at the iron railing (prison bars – К.К.) ... amid the seas (Ireland – К.К.) she sent a cry of anguish»¹⁵.

“Eveline! Evvy!” кричит он, но Evvy (ivy – плющ), та же Eveline (eve of the line (канун линии (Аллена)) парализована раз и навсегда, ее имя, с этих пор суть ее пожизненное состояние: ни туда, ни сюда. Интересно отметить, что аналогичное состояние души (правда, в сопровождении некоторых весьма противоположных действий) прекрасно передано Владимиром Маяковским в поэме «Флейта-позвоночник» (1915):

¹⁴ Ibid. стр. 35.

¹⁵ На пристани толпились солдаты с вещевыми мешками ... она увидела стоявшую у самой набережной черную громадину ... она молчала ... молилась, чтобы бог вразумил ее ... к Буэнос-Айресу ... разве можно отступать после всего, что он для нее сделал? ... отчаяние вызвало у нее приступ тошноты, и она не переставая шевелила губами в молчаливой горячей молитве ... она почувствовала, как Фрэнк сжал ей руку... он утопит ее. Она вцепилась обеими руками в железные перила (тюремные решетки – К.К.) ... и в пучину (Ирландия – К.К.), поглащавшую ее, она кинула вопль отчаяния. (Ibid. стр. 36).

Слушай,
Всевышний инквизитор!

Рот зажму.
Крик ни один им
не выпущу из искусанных губ я.
Привяжи меня к кометам, как к хвостам лошадиным,
и вымчи,
рвя о звездные зубья.
Или вот что:
Когда душа моя выселится,
выйдет на суд твой,
выхмурясь тупенько,
ты,
Млечный Путь перекинув виселицей,
возьми и вздерни меня, преступника.
Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только —
слышишь! —
убери проклятую ту,
которую сделал моею любимую!

Самый короткий рассказ среди остальных «Дублинцев» дает неисчерпаемое множество ассоциаций. В качестве ключа к вскрытию ряда аспектов рассмотренного выше произведения выступает стилистический прием антономасия. Такой подход позволяет проникнуть в творческую лабораторию не только Джойса, но и многих других писателей.